

Намедни. Лично Леонид Ильич

[СЛАВА ТАРОШИНА]

Чем больше смотришь телевизор, тем охотнее веришь формуле Петра Первого: Россия не Запад и не Восток, а часть света. Я другой такой страны не знаю, которая бы то и дело зависала во времени, как отработанный компьютер. Каждый новый исторический виток отменяет предыдущий, с тем чтобы вскоре пройти обряд ностальгической ревизии. С советским наследием мы расставались мучительно долго. А покончив со старой ложью, тут же принялись вдохновенно ваять новую.

100-летие Леонида Брежнева стало телесобытием № 1. Его эпоха теперь рифмуется не с вязким застоєм, а с благородной стабильностью. Второе возросло и число тех, кто считает одного из последних генсеков империи великим историческим деятелем (см. программу «К барьеру!», где пылкий коммунист старой школы Анпилов триумфально победил пылкого государственника новой формации Веллера).

Трехсерийный документальный фильм Леонида Парфенова «И лично Леонид Ильич» стоит в стороне от псевдоидеологической истерии — тут предпринята попытка воссоздания образа во всей его полноте. Л.П. — признанный мастер исторической тележивописи, но в последней работе произошел сбой. Автор не смог или не захотел постичь механизм превращения гарного парубка в «дорогого Леонида Ильича», втянувшего в воронку собственного маразма одну шестую часть суши.

Вообще непонятна сверхзадача фильма. Для того чтобы отработать круглую дату, не нужен Парфенов. Армия ремесленников бесперебойно лудит т.н. документальные фильмы, скрепляя хроникальную нарезку вялыми свидетельскими мемуарами и незамысловатым текстом. Но вот вопрос: почему Л.П., создавший свой телеязык, пошел по их пути? Можно понять трудности,

с которыми он столкнулся. Брежневское время — скука скуловоротная, от одного видеоряда мухи дохнут. Неуловимо-иронический тон, которым виртуозно владеет Л.П., несовместим с модной державностью, а другого стиля у автора нет. Не сработал в «Брежнев» и фирменный парфеновский прием бесстрастного инвентаризатора эпохи. Вспомним: лучшая работа — «Крымская война» — случилась именно тогда, когда Л.П. отошел от принципа отстранения, завещанного ему Шкловским. У автора горели глаза, оттого и сериал получился цельным и современным. Последнее качество фильму сообщали не пошловатые аллюзии, но талантливый анализ структуры власти Николая I, ввергшего страну в бессмысленную войну. Парфенов говорил о трагическом разрыве между закапсулированной властью и народом, выживающим не благодаря, а вопреки этой власти.

В «Леониде Ильиче» автор говорит общеизвестное об общеизвестном. Не то чтобы брежневское время неинтересно Л.П. — напротив, именно оттуда он черпал бессмертные идеи старых песен о главном. Просто Парфенов осторожничает — слишком уж очевидна рифма времен. Да, намекает он, и тогда, и сейчас страна сидела на нефтяной трубе, только я здесь ни при чем...

Не будем грубы, как философ Кроче, утверждавший, что история — не дело евнухов. Скажем помягче: подобные сочинения не творятся при температуре 36,6. Брежнев не какой-нибудь Тутанхамон, время его правления еще на памяти нескольких поколений. Тут необходимо свое отношение, своя концепция, а иначе зачем нам этот сплошной съезд партии? Его реинкарнация мы и так ежедневно видим по телевизору. [С.Т.]

газета - 2006-19 дек - с.21